

приятели. Кто-то осваивал двухколесный велосипед. Куда-то бежали женщины с колясками. Мальчишка-подросток выгуливал собаку и, увидев их с отцом, подбежал, поздоровался: Денис с трудом припомнил смутного соседа. На балконах лениво топтались праздные жильцы – сверкали стеклами очков, сияли белизной маек, журчали выходными разговорами.

Обширная территория ПТУ заставила его при тормозить. Сколько времени он проведет в этой мекке всех окрестных ребятишек. Разноцветной площадке со спортивными тренажерами – мечте любой школы. Футбольном поле с деревянными трибунами – импровизированными лежаками для загара. Сквере, полном волшебных водопроводных кранов: с их помощью они с друзьями устраивали под сенью сосен систему запруд и каналов. Одиноким тополям в стороне, на котором провели как-то целое лето, а в один из дней обнаружили расколовшимся в поясе: не выдержал степного урагана.

Наконец, увидел над горизонтом выложенное из камней имя. И даже подпрыгнул от неожиданности: «Жив еще!»

Город окаймляли, сложно ожерелье, горы. На самом высоком склоне с северной стороны горожане выложили когда-то из беленых известью камней имя вождя. Сверкающую под солнцем надпись было видно из любой точки Туран-хана. Надпись долгие годы казалась непоколебимой, вечной.

Пока под занавес перемен по чьей-то упрямой воле она вдруг в одночасье не исчезла. Это было больно: надпись грела туранханцев в наступившее трудное время, сообщала, что устанутся, уложится все...

Многие годы после вершина горела, как от стыда, пугающим голым склоном. И только в конце века она обрела новое имя – «Догээ» – «солнечное место».

А пока – «Ленин». «Ленин» еще.

Денис с изумлением смотрел на окружающий его, воскресший, бьющий в ритмах невидимого сердца мир.

* * *

Дачный массив уходил аэродромной полосой прямо в небо. Подрагивал там миражом в полуденном зное, жаждал воды, крошился осадочными породами.

Сколько он себя помнил – это всегда была пытка. Пара километров с рюкзаком за спиной до автовокзала. Полчаса езды в забитой консервной банке Туран-хан – Сукпак. Столько же пешим ходом по песчаной дороге. И как награда – сухая территория, помеченная сначала полуметровыми столбиками с надписью – «Голиковы», а потом ершистым забором.

Денис не сетовал на тяжелую дорогу. А родителям

не приходило в голову, что это трудно или бессмысленно. Знали – надо. Надо, как ехать по распределению в чужую, незнакомую Республику Тува. Как отправляться в экспедиции в горы и тайгу и строить там на пустом месте геологический поселок, в который приезжать потом летом и зимой, привозя с собой маленького сына. И работать, работать...

Дачу они купили в этом самом году. В этом же году из Тувы уехало несколько тысяч русских семей. Точнее, уедет! Все еще впереди.

Коренные жители скажут сначала – «Это наша земля», и все как будто промолчат. Крикнут – «Уходите!», и некоторые не заставят себя долго ждать. Покажут кровь, и многие согласятся с таким аргументом...

Денис шел по песчаной дороге, смотрел на жилистую, обтянутую линиями майкой спину отца и спрашивал себя: а почему останутся они? Зачем? Ведь косых взглядов – «чужаки», а вместе с ними и оскорбительных выпадов, с годами не убавится (а может, даже станет больше). А сколько времени уйдет на то, чтобы встать на ноги после краха геологоразведочной экспедиции!..

Когда они дошли до своих именных, подписанных карандашом столбиков, отец вынул из рюкзака ножовку, молоток, гвозди. Вытащил из-под бревен лопаты. И принялся копать ямы под опоры будущего забора.

Родители долго потом будут возделывать эту землю. Со временем участок превратится в полноценный огород с грядками, теплицами и ягодными кустами, казалось бы, радуйся! Однако вот незадача – чем больше жизни будет на этом клочке, тем меньше ее станет вокруг.

Сначала исчезнет первый сосед – бросит свои восемь соток, оставит одиноко шелестеть и сохнуть треугольную акацию. Потом уедут вторые – через дорогу: некогда веселый двухэтажный дом с окошком-иллюминатором станет глядеть потухшим глазом, сообщать: «Может, и вам пора?» В один из дней они узнают, что больше не появятся третьи – несгибаемый мужичок с бойкой женошкой, неперменные помощники Голиковых. Долго будут держаться за огород четвертые, но в конце концов бросят дачу и они.

А в один из весенних приездов на месте своей и соседних дач Денис с родителями обнаружат просто пустое место. Ни заборов. Ни домов. Как сейчас – только редкие никчемные столбики.

Отец приколачивал к готовым опорам забора перекладины-доски. Удовлетворенно оглядывал возведенный каркас.

– Хорошая у нас будет дача, сын? – улыбался он белыми зубами.

– Конечно, папа.

Центральная площадь была праздна, многолюдна. Денис сновал среди толпы, смотрел на лица, слушал разговоры.

– Новые бензовозы пришли в геологическую экспедицию, – сообщал приятелю парень у бочки с квасом. – Шофера в автопарк требуются. Меня брат подтягивает. Скоро начну в рейсы ходить. Засиделся после дембеля!

– Куда? – интересовался собеседник.

– В горы! Если все ладно пойдет, вызову и дядьку из-за Саян. Дорог много, работы много. Республика перспективная.

У сверкающей новенькой «восьмерки», выставив на крышу кассетный магнитофон, кучковались парни.

– Гена, не теряйся, твой звездный час настал! – толкал друга высокий балагур в солнцезащитных очках. И опережая того, кричал проходящим мимо красавицам:

– Девчонки, айда к нам в видеосалон на просмотр французского кино. В довесок к культурной программе – коньяк и лимоны!

Девушки смеялись, торопились пройти их, заманчивых, опасных.

– Если вас больше интересуют фильмы о единоборствах, мы готовы предложить и это блюдо, – не унимался высокий. – Не откажите испытать приемы с самой достойной из вас!

Парни выглядели вальяжными, сильными. Дениса не смущали их шутки. Ему было приятно смотреть на них. Что-то новое, точнее, хорошо забытое старое – смелое и уверенное в себе – переполняло этих современников эпохи.

У фонтана стояла молодая пара. Мужчина в форме. Хрупкая женщина в легком платье.

– Новую вертолетную площадку открываем в июле, – расслышал Денис, – начнем летать на Тоджу. Свожу тебя и детей. Полюбуетесь на это великолепие! Кристальные озера, полные рыбы. Луга, горящие от жарков и земляники. Острые ледники под палящим солнцем.

– Не хочу на холодные озера, хочу на море, – капризно отзывалась женщина. – Мама звонит, говорит: приезжайте, привозите внуков. Фруктов наедемся на год вперед. Загорим под сладким южным солнышком!

– Настоящую тувинскую природу как не посмотреть, Марина? – улыбался мужчина. – Будет что рассказать ленивым южанам...

Денис разглядывал людей вокруг. Лица их – твердые еще. Ни намек на ту подозрительность, ошеренность, что будет так характерна всего через несколько лет. Несмотря на лихорадку, кото-

рая уже сотрясала страну, люди были спокойны и расслаблены, сплочены и безмятежны. Не превратились еще в развешанные одинокие крупины, которые норвит склевать любая ворона. Темное будущее казалось отсюда фантомом, дурным сном, детским страхом...

– Польшнет скоро! – каркнул рядом голос.

Денис поднял глаза. Над ним стоял мужчина в плаще и пожилая женщина.

– Докатится и до нашего медвежьего угла, – улыбался незнакомец. – Трещит по швам глобальная иллюзия!

Лицо его, смазанное гримасой скептицизма, ухмылки, какой-то корявой внутренней торжественности, показалось знакомым Денису. Он припомнил: людей с такими выражениями можно было с избытком обнаружить на перестроечном телевидении. Словно прозрачных, голых, освобожденных от всего. До неприличности гибких, развитых, компетентных.

Женщина молча поддакивала, улыбалась предприемому спутником темному будущему.

– Хлебнем теперь по полной, – говорил мужчина. – Заслужили! Смотри перед собой, Капа – иллюзия! Прозрачная, лживая действительность. Что пар от этой воды! Мираж!

* * *

Денис сидел в квартире, вжавшись в кресло. Контакт с этим миром был невыносим. Как с ребенком, больным неизлечимым недугом, который не знает, что жить ему осталось до рассвета, а он, блаженный, бегаёт, смеётся, радуется окружающему.

Все ясно ведь, расписано на четверть века вперед. Буквы на горе – мираж. Перспективная республика – мираж. Будущее – мираж!

А может, нет, а? Кто сказал, что этот хлыщ в двубортном плаще прав? Что мне не приснилось все мое двадцатипятилетнее будущее? Ведь вон они, камни-буквы на горе, горят, светят! Вот они, дворы, полные безмятежной детворы и молодежи. Вот родители, купающие дачу на отшибе, устраивающие свой быт, верящие в светлое завтра. Почему я должен трепетать, как осенний лист, который сейчас оторвет ветер? Почему должен верить, что ребенок завтра умрет? Почему? Ведь жив он!

4.

Польшнуло разом. Ночью в бездонной провинциальной тишине ухнуло так, что зазвенели стекла на окраинах. На мгновение стихло. А потом загро-

хотало снова, без перебоев, будто где-то занялась гигантская.bestоловая петарда.

Голиковы жили на отшибе, окна выходили в степь, телефона не было. Сбились втроем у балкона, и, глядя бессмысленно на утопающий в лунном свете пейзаж, прислушивались к гаснущим в глубине города тяжелым раскатам.

Утром стало известно, что ночью в гараже Тувинской геологоразведочной экспедиции сгорело двадцать семь автомашин. Погибло три человека. По неизвестным причинам загорелся, а потом взлетел в воздух один из пятнадцати новоприбывших бензовозов. Пожар перенес пламя на соседние грузовики, и скоро полыхал весь автопарк.

Родители, принесшие на следующий день эту новость, были бледные и притихшие. В этот же день Денис ходил смотреть на потемневшие, еще вчера белые плиты забора, отмеченные подпалинами. Он чувствовал гуляющий по ветру запах пепелища и боялся заглянуть туда внутрь, где шла работа: он был напуган. Он помнил этот пожар, будучи маленьким. Помнил и этот душный запах, и обглодыши строений, и тревогу родителей. Помнил, как брала тревога и его, но больше – изумление: что-то происходит...

В день громких похорон, заполонивших людьми и красными гробами город, с границы с соседним краем пришла другая новость – запылала тайга. Шоферы дальнебойных КамАЗов и водители рейсовых автобусов как один рассказывали, что вековые кедровые деревья горят, как факелы. Что через Саянский перевал не пробиться – автомобильное сообщение приостановлено. Несколько местных жителей уже числятся пропавшими без вести. А огонь набирает и набирает силу – вся горная цепь покрыта чающим дымом...

Наконец, самые тревожные вести стали поступать с запада республики – из промышленного городка Аксы, где с каждым годом набирал мощности один из крупнейших в стране асбестовых комбинатов. Поговаривали, что там произошли столкновения на национальной почве (вот оно!). Что-де представители коренного населения провели на центральной площади митинг, где заявили о неравенстве в правах с русскими, и ратовали за немедленное изгнание «незваных гостей». Что на громких лозунгах сходка не закончилась, и вдохновленные речами митингующие отправились проучить «свиней-приезжих»: предводительствовала толпой учительница местной школы – до тех пор тихая и незаметная женщина. В ходе столкновений одного человека погромщики зарезали, нескольких порезали. На следующий день для наведения порядка в Аксы из-за Саян прибыл экстренный борт с ми-

лиционерными. Сутки-другие городок покачало из стороны в сторону. А потом затихло. Или затаилось.

Точками подернуло столицу Тувы Туран-хан. По вечерам на улицах прибавилось дружинников. Участились драки среди молодежи. Как только возник просвет на перевале – за Саяны отправился караван из грузовиков-контейнеров с первыми бегущими от такой нестройной жизни семьями.

Но в целом все как будто оставалось прежним. Люди были спокойны. Город жил размеренной жизнью. Геологический рейс, на котором Голиковы должны были отправиться в экспедицию, несмотря на взрывы в гараже и повсеместное ЧП, не отменили: система работала.

«Штатает страну, – говорили туранханцы. – Но пожары тушат, людей спасают, а своих не бросают. Не может вот так, за здорово живешь, все вылететь в трубу. Наладится!»

Внешне оставались спокойными и родители Дениса. Не придавая серьезного значения происходящему, мать и отец, казалось, воспринимали все как дурную шутку. Они не могли осмыслить это, не в состоянии были принять за естественное. Смеялись над особо курьезными сообщениями, вроде появления на севере республики вооруженного отряда националистов-чабанов на лошадях.

Первые столкновения с новой реальностью случатся позже. Когда мать выгонят из очереди в магазине. Когда его, Дениса, не пустят как «свинью-приезжего» на карусель в соседнем дворе, и он прибежит, оскорбленный, расскажет об этом родителям, и мама впервые при нем грубо выругается. Когда отец, чтобы проводить вечером гостей, будет вынужден брать с собой револьвер, выданный ему в экспедиции для обороны от зверя в тайге.

Но и тогда – Денис ощущал это ясно – родители не будут впускать в себя страх. Будут терпеть, пережевывать случайные выпад в свою сторону, но не пугаться, но спокойно идти своей дорогой.

5.

Выезжать собирались с утра. Пока отец закупал с водителем продукты на базе, мать закатывала дома спальники, упаковывала в целлофан войлочные циновки, укладывала скарб.

Денис не видел себя среди этого переполоха. Все походило на сказку: налево пойдешь – коня потеряешь, направо – голову сложишь. В детстве эта дилемма ему казалась почти неразрешимой. Пока же самым сложным, самым неприемлемым, самым бессмысленным ему казался завтрашний путь в горы!

Толку от него в сборах было мало – все валилось из рук. Не зная, куда себя применить, он вышел на улицу. Потоптавшись у подъезда, свернул в соседний двор, потом в следующий. И пошел, как тень, стараясь не соприкасаться с этим миром, не сливаться, не говорить на его языке, куда глаза глядят, сквозь бетонные кварталы.

Он не понимал, куда идет. Просто брел, как потерявшийся щенок, который все поводит носом – где же, где? Не видел ни ровесников, удивленно окликавших его или свистящих вслед. Ни сгущавшихся сумерек. И все перебирал внутри бесконечные вопросы. Где ответ? Где выход? Что дальше? Он отправится в путь? Но куда – вперед или назад? В горы или кувырком вниз?

Проходя мимо одного из недостроенных домов, Денис услышал из его недр хохот. Бессмысленно подался на голоса.

И вдруг отпрянул от резанувшего в ухо:
– Стой!

Рядом стояла девочка – такая же пигалица, ровесница.

– Ты кто? – сам испугался он.

Девчонка показалась ему знакомой, он где-то видел ее раньше.

– Не ходи туда!

– Куда?

– Да в эту развалину.

Он всмотрелся в ее лицо – курносый нос, торчащие уши, смешные вихры.

– А что там?

– Не знаю. Мама говорит – не надо. И многие говорят.

– А ты чего тут? – Он, кажется, впервые разговаривал с кем-то, кроме родителей.

– Я не тут, я там! – Она махнула в сторону подъезда жилого дома под ярким фонарем. – А тут тебя увидела. Идешь, шатаешься, будто потерялся.

– Точно, потерялся, – согласился он.

– Иди домой. – Она тревожно на него поглядывала. – Где ты живешь?

– Тут, недалеко. – Ему стало странно, что он чувствует себя слабее этой крохи.

– Пошли. – Она взяла его за руку. – Пойдем отсюда. Он вложил в ее ладонь свою.

– А ты почему не дома? – сказал он и уловил нотки благодарности в своем вопросе.

– Маму жду.

– На улице?

– А! – махнула она рукой. – Дома страшно одной.

И в свете фонаря Денис узнал эту девочку – ровесницу из параллельного класса. Из немисливо далекого своего прошлого.

* * *

Они не знакомы были никогда. Он даже не знал, как ее зовут. Он просто видел ее и запомнил. И все.

Это было в начальной школе. Ее трудно было не заметить. Девочка, похожая на рыжего петрушку с приклеенной улыбкой. Некрасивая, нелепая. Она бегала с одноклассниками, но все время как бы выпадала из общей компании. Все – одинаковые, ладные. А она вот такая – солнечный блин с маслом.

Из школы она ушла после девятого класса. Незаметная, тихая. Такие к этому возрасту перестают громко радоваться в кругу сверстников. И она больше молчала. Но всегда улыбалась. Увидит свет – и губы расплываются. А выглядела, что и говорить – прическа-щетка, сапоги мамыны, кофта шерстяная. Еще платочек на голову – и готовая крестьянка с какой-нибудь нелепой картины из школьного учебника.

А кругом все как растаявший снег было. Как проталины. Грязно. Идти трудно. Но все что-то показать старались. Что ты благополучный. Что ты в ногу со временем. Что ты в стороне от болота этого. А она ничего показать не хотела. Она в свои 14–15 лет словно простоволосая женщина была. Которая идет по осеннему полю. Идет к родным, которые ее ждут. Одна идет. Неловко, неуклюже. Говорит сама с собой: «Дура, опять набрала воды». Кряхтит, всхлипывает. И никого нет, кто бы ей помог. Идет сквозь размытое поле, медленно вытягивает ноги из коричневой жижи. Впереди дом – там ждут. А может, и не ждут. Может, и дома-то нет! А она идет. Она верит, что есть. Что-то теплое и живое, куда можно приткнуться, как только выберешься из этого бескрайнего болота, бесконечной распутицы.

И когда ей было семь – она улыбалась. И когда стало пятнадцать – улыбалась и хранила в себе оставшееся теплое. И шла вперед. Выльет ушат грязи из сапога, и дальше. Упала, измазалась вся, и снова вперед. А света за деревьями все нет.

Как-то Денис шел, упоенный собой, по туранханской улице – он только что приехал из Москвы, где успешно стал студентом первого курса педагогического университета.

На одном из перекрестков он нагнал вереницу разновозрастных ребятшек. Дети были в одинаковых шапках, одинаково поношенных куртках, потрепанных штанишках и залатанных колготках. Все ветхие и серые, как этот город. Горькие и сморщенные, как старички. Шли, держась за руки, оглядываясь вокруг, будто в поиске чего-то.

Денис затормозился, не понимая, – что не так в этих детях? Пока не догадался – детдомовцы.

Впереди и позади детей шли воспитательницы – две девушки. Они не походили на его, Дениса, друг из Туран-хана. Они походили на этих детей. В ношенных куртках и юбках, будто вынутых из долгого ящика. Такие же ветхие. Такие же растерянные.

На светофоре та, что впереди, остановилась и оглянулась. Курносый нос. Непослушные вихры. Только без улыбки. Та самая смешная девчонка из детства. Денис сразу узнал.

* * *

- Слушай, – спросил он, ошеломленный, эту знакомую незнакомку сейчас. – Тебя как зовут-то?
- Светка, – тряхнула челкой девочка, всматриваясь в дорожку, ведущую к соседним домам.
- А я – Денис.
- Вдали показался силуэт женщины.
- Пойду я, Денис. – Светка торопливо пожала его ладонь. – И ты иди!
- Спасибо! – успел крикнуть он.

6.

Утром Денис очнулся от непривычной тишины.

«Проспал!» – вскочил он. Но тут же себя одернул: нет, без него бы не уехали.

Выйдя в коридор, он не увидел рюкзаков, палаток, спальников. Пусто!

Не было, впрочем, и его вещей, что вчера собирала мать.

Денису стало не по себе. И даже страшно, как в детские годы, когда он оставался дома один и испытывал вдруг странный нахлынувший ужас, с которым не совладать.

В таких случаях он прятался в шкаф – в шифоньер в прихожей. В нижнем отделении его лежали куртки, полотенца, шторы, клубки шерсти, из которых мать вязала им с отцом свитера. Там же всегда находилось спасительное местечко для него, Дениса. Теплые клубки шерсти успокаивали, как мамыны руки. Иногда, не желая выходить наружу, он засыпал внутри. Пару раз его находили там вернувшиеся с работы родители...

Денис подошел к шифоньеру, открыл нижнюю дверцу – полотенца, шторы. И клубки шерсти – колючие белые и мягкие оранжевые, все на месте. И укромный уголок, прячась хоть сейчас.

Только не дождется он матери и отца. И они не найдут его внутри. Они не забыли его сегодня утром, нет. Просто у него другая дорога... Это не они уехали, это он уехал.

Денис нашел рюкзачок – малолитражный, детский, купленный ему в этом году на день рождения. Собрал нужное – дождевик, куртку, свитер, сменные кеды, белье, кое-что из мелочи, все компактно разместилось внутри. Туда же положил свидетельство о рождении и деньги – три красных червонца и фиолетовую двадцатипятирублевку – их он нашел в серванте. Складировал первой необходимости вещи в набедренный бардачок – спички, фонарь, нож. И, оставив собранное у порога, отправился на окраину их района, в степь.

В целом ему ясен был дальнейший вектор. И, кажется, предстоящая встреча со степью была лишь закреплением принятого решения. Идя твердой походкой по асфальту, он удивлялся лишь одному – где он был раньше и почему только сейчас вспомнил навестить ее? Ведь она – степенушко – давно ждет его.

* * *

Степь было видно из окна. Степь начиналась сразу за последним девятиэтажным домом на их окраине.

В степи имелось все, что нужно было Денису и другим мальчишкам. Ветер. Солнце. Тишина. Галечные карьеры. Недостроенные коробки одноэтажных зданий. И еще бескрайность: степь можно было исследовать бесконечно.

В степи пропадали и зимой, и летом, и, кажется, нигде нельзя было чувствовать себя так свободно. В степи мальчишки из разных дворов жили друг с другом мирно. В степи не дрались. В степи забывались ссоры и обиды. В степи все вместе строили из досок и камней шалаши-жилища, жгли костры, жарили хлеб. А самые самостоятельнее даже проводили солнце...

Все случилось в то самое время, когда уезжавших-бежавших из Тувы стало опасно много. И когда кто-то разметал на горе в одну ночь горящие буквы-камни. Точнее, что случилось? В степи ничего не случилось. Все произошло и случилось в городе.

Денис помнит, как с наступлением нового времени его родные улицы стали ему вдруг чужими. Его двор, где с утра до ночи еще вчера кипела жизнь, стал пустым. Его подъезд стал неприятным и таящим угрозу, и хотелось проскочить скорее этот подъезд и закрыться в квартире. По вечерам они с матерью, ожидая с работы отца, смотрели за окно, и чем-то ледяным сквозило из-за окна, и Денису было страшно за отца, который где-то там один, идет в темноте, с которой лучше не соприкасаться.

Говорить стали вполголоса. И жить стали вполголоса. И соседи отчего-то прекратили друг с другом общаться, только краткое – «Здравствуйте», и даль-

Путаясь в незастегнутых сандалиях, толкаясь в очереди на выход, Денис соображал – сейчас на железнодорожный вокзал, потом в кафе. Все как всегда: на десятки раз был в Абакане. Добирался так же автобусом из горной Тувы, где не было железных дорог. Пересаживался на поезд и следовал дальше до нужной ему точки, чаще всего – столицы.

Конечно, сейчас – не всегда. Впереди много интересных вопросов. Продадут ли ему, такому самостоятельному, билет? Посадят ли на поезд? А если и посадят – не снимут ли посреди дороги?

Впрочем, если заморачиваться по каждому поводу – вообще никуда не уедешь. Добрался же он до Абакана!

В вокзале было пустынно. Кассы еще не открылись. Денис изучил расписание рейсов и с удовольствием отметил, что нужные ему поезда на сегодня были.

Он переместился в зал ожидания, облюбовал скамейку в углу, забрался на нее с ногами и завалился на боковую. Знал – отключится сейчас так, как дома не спит. Главное, не проспать открытие касс, а то не достанется ему билетика, и куда он? До завтра будет куковать на этих деревяшках?

Зал, скрипя спинками, понемногу умолкал. Откуда-то появился милиционер, и Денис зажмурил глаза. Стараясь не дышать, он представил, как все может внезапно закончиться. Одинокий пацан в костюме пилигрима. Кто такой? Откуда? Заберут в какую-нибудь комнату милиции, будет ему всем поездкам поездка. Надо было быть осмотрительнее, хотя бы притулиться рядом с соседками, у которых дети. Или с тем бородатым дедом с вещмешком – они бы рядом смотрелись очень кстати.

Не раскрывая глаз, он дождался, пока опасные шаги удалятся, отвернулся к спинке и отдался сну...

Билет ему не продали.

– А родители где? Зачем ты мне это пихаешь? – возмутилась кассирша в ответ на протянутое в окошечко свидетельство о рождении.

У Дениса был заготовлен ответ: «Мама попросила купить». Но кассирша и слушать не стала:

– Следующий!

Денис усмехнулся – делов-то. Он найдет человека, который купит ему билет. Таких отзывчивых, он уверен, – половина вокзала. Главное, не суетиться, время у него есть.

– Молодой человек! – раздалось откуда-то сбоку.

Денис оглянулся: к нему шагал утренний милиционер.

– Постойте-ка!

Дальнейшего Денис не услышал.

«Прочь, прочь!» – шептал он, выбегая из вокзала вон, перепрыгивая через ступеньки, не оглядываясь, оставляя за спиной милиционера, кассы, стены вокзала, от которых уже нестерпимо сквозило холодом.

Углубляясь в массив пятиэтажек, он размышлял: «Ничего. Первый поезд уходил в Москву через два часа. Последний – ближе к трем. Все нормально, – успокаивал он себя. – Поброжу и вернусь. Успею!...»

* * *

К вокзалу он возвратился после обеда. Внутри заходить сразу не рискнул, принялся топтаться по привокзальной.

Наворачивая круги по площади, он прослушал, как диспетчер проводила первый московский поезд. Успел натереть пятки в неудобных сандалиях. И, кажется, намозолить глаза тем, кто сидел под тополями на лавочках...

– Эй, бродяга! – окликнул его кто-то.

Денис вздрогнул.

Парень в роговых очках и с щуплой бородкой настраивал гитару. Рядом, никак не реагируя на окружающее, лежала лохматая девушка.

Денис вопросительно кивнул.

– Ты откуда такой? Турист, что ли?

– Вроде того.

– А чего маешься? От группы отстал? Или родителей потерял?

Денис осмотрел музыканта с ног до головы.

– Автостопщики?

– Они самые, – удивился бородатый.

Денис знал автостопщиков – добродушные, отзывчивые люди. Он и сам катался на попутках в студенчестве.

Денис подошел, присел на край скамейки рядом.

– Копейку музыкой зарабатываете?

– Так и есть.

– Барды?

– Не совсем верно. Панки.

– И что, не скупятся нынче на такое творчество?

– С голоду не пропадем. А с ночлегом бывает туго.

– Денис. – Денис протянул руку.

Парень приветливо отозвался на рукопожатие:

– Федор. А это Анка. – Он кивнул на подругу. –

Устала после выпитой накануне бутылки портвейна и долгой дороги. Поэтому девушку лучше не беспокоить.

Анка заворчала что-то во сне.

– Куда путь держите?

– В центр.

– В центр? Я тоже в центр! – Денис не сдержал смеха. – По пути нам!

3.

Федор оказался угрюмым флегматиком, но вообще – довольно компанейским парнем. Анка – замкнутой особой с редкими вспышками веселья. Оба были несколько отрешены от мира: два сапога пара. По пути они посещали друзей в разных городах и давали квартирные концерты. Следующий их пункт назначения был Москва, дальше – Ленинград.

«А куда держу путь я?» – в который раз задавал себе вопрос Денис. И, не имея четкого ответа, гнал навязчивые мысли прочь.

– Ты веришь в чудо? – спрашивал он Федора.

– Если разобраться, сейчас остается верить только в чудо, – усмехался Федор.

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, Денис, раньше мне казалось, что меня обманывают. Это казалось самым страшным. Мне хотелось пробить эту беспрсветную стену окружающей лжи. Добраться до света. Все силы отдавал! А сейчас мне как будто стыдно за свои прежние стремления. То есть все верно, правильно было, спору нет! И, вернись назад, я бы шел тем же путем. Но, понимаешь, гляжу вокруг и чувствую – сейчас бы не растеряться. Не проморгать что-то куда более важное. Найти свое место. Не сплеховать. Может быть, сейчас-то и время сказать свое главное слово.

Мелькали города, знакомые и незнакомые. Все чем-то похожие на его Туран-хан. Дорожное полотно, растянувшееся на тысячи километров, было единой тканью. И он – Денис – был плоть от плоти этой ткани. Потому и видел свое отражение, оглядываясь вокруг. Как будто дома он, никуда не убежал, а вышел прогуляться в ту же степь. И какое цельное ему казалось все, не разбросанное беспорядочно по концам света, а собранное, упорядоченное, связанное воедино невидимыми нитями.

Где-то они ночевали в канаве, завернувшись в кусок брезента. Где-то в стогу прошлогоднего сена. Двигались скоро, без задержек: поток машин был невысокий, но брали их охотно.

В краю сибирских шахтеров их, чумазных бродяг, пустили переночевать к себе в будку гаишники. Посмеялись – чего дома не сидится? – но напоили горячим чаем и устроили на нарах спальное место из старых бушлатов. На Урале взяла к себе одинокая женщина, подобравшая у деревни под дождем – «Куда в такую погоду?», и буквально затащила к себе в хату. Натопила баню, накормила. Не отпускала все два дня, пока лили дожди. И, провожая, утирала платком слезы: «Куда едут? Куда родители смотрят?..»

– Страх подбирается, – блестел очками Федор. – А чего боюсь, не понимаю. Как будто под корень меня вырезать норовят. А не понимаю – кто? Куда броситься? Какую брешь заткнуть? Вот и выходишь на трассу. Оставляешь родных, дела, друзей. От беспокойства выходишь. Беспокойство гонит! Не сидится на месте, когда чувствуешь, что надвигается что-то невиданное. Ищешь – ну, где ты, где? Не понимаешь. А оно все ближе.

4.

О политике, о происходящем в стране говорили мало. Федор, Анка, случайные попутчики как-то осторожно и неохотно затрагивали эту тему. Сказать что-то внятное было трудно. Оттого и тускнели лицами, когда Денис заводил разговоры о волнующем настоящем. Большинство молча ожидали завтрашнего дня, не задавая себе лишних вопросов. Кто-то, подобно Федору, что-то интуитивно чувствовал.

– Я вам расскажу одну историю, ребята. – Это был водитель дальнебойного грузовика, молодой мужчина, уставший от одиночества в дороге, поблагодаривший их в среднерусской полосе, взявший довести до самой Москвы. – История-то, может, и ничего особенного. Обычная история. Житейская. Но не дает она мне покоя, именно сейчас не дает.

Были у меня, значит, бабушка и дед – отца родители, – начал попутчик, – дед Петя и баба Маруся. Жили они, как и положено, в деревне. Жили одни: дети повзрослели, разлетелись в разные стороны. Пчел держали, свиней, кроликов, кур. Жили – не тужили.

Город наш не близко от той деревни был. Сутки на поезде, час на автобусе – не наездишься. Привозили родители нас с братом в ту деревню раз в год – летом. Тетки съезжались, дядьки, братья, сестры, вся родня – семья большая! Полный дом был. Благодарить! Счастливее той поры в моей жизни и не было.

Дом деревенский о трех комнатах был. С кухней и двумя русскими печками. На улице – палисадник, огород, сад, пашня под картошку, пасека. Мы ж городские, для нас дом, сад, деревня раем были.

Ходили мы с бабушкой и братьями да сестрами по грибы и по ягоды. Бегали с соседскими ребятами купаться на пруд. С дедом рыбачили. Я у деда вообще первый сподручный был! Выведет он свой «Иж» с люлькой за ворота. Дернет педаль, заведет мотор. Я все бросать и за калитку, как бы без меня не укатил! Как на коне потом по деревне, да по ухабам по лесной дороге, много ли пацану надо? За вениками ездили для бани. На ручей за гольяном – рыбешка

мелкая такая. За гнилушками для дымаря для псеки – потрошили трухлявые пни. За брусничкой в тайгу. Сядем иной раз на дереве поваленном в лесу. Дед закурит, разговор заведет. Лес шумит. Мотоцикл в сумерках сереет. А мы потихоньку беседуем. Душа в душу так! Потом приедем и вечером с бабушкой тихонько песни на завалинке поем. А на ночь она нам, внукам, сказки рассказывает. И так хорошо, что ничего больше в жизни не надо...

По окончании лета уезжать, конечно, не хотелось. Да так, что просто трагедия каждый раз! Цельный век в раю, а тут на тебе – город, школа. Когда родители приезжали, мы радовались сначала. А потом ревели.

Автобус до железнодорожной станции ранним утром уходил. Просыпались до рассвета, пили чай. Брали упакованные с вечера сумки, чемоданы. Садись на дорожку. И шли на автобус. Как же немоту все это было! А самое жуткое – выйти и оглянуться назад. Оглянулся – а дом уже будто и мертвый.

Верить в то, что смерть действительно придет сюда когда-то, нам, ребятишкам, конечно, не хотелось. Страшно становилось до жути, когда дед в разгар ночи исходил кашлем – у него была астма. Или бабушка вдруг просыпалась и начинала искать пузырьки с таблетками от давления. Неужели, думал я, смерть может прийти в этот дом? А если это произойдет нынешней ночью? Как посмотреть беде в глаза? Как пережить? Много тяжелых дум было передумано мною в те ночи. А потом наступал очередной солнечный день. А потом новый солнечный год. И все шло своим чередом. Беззаботно и радостно.

Первым сдал дед. Я уже взрослый был. Уже уехал из дома, поступил в техникум в областном центре, ближе к старикам: до деревни оттуда на автобусе часа два было. Всякие удобные выходные я старался выбраться к ним, проведать. Да и самому отдохнуть душой в родимом доме.

Идешь, бывало, от автостанции, вдыхаешь теплый сельский запах. Каждая встречная изба тебе знакома. Первая – с зелеными воротами. Вторая – добротная, с высоким забором. Дальше три дома-близнеца, только с разными наличниками, у последнего всегда трактор. И за поворотом – наш! С розовыми ставенками, белым низким палисадником, развесистой черемухой, такое родное и знакомое все, будто лицо самой бабушки.

Сдерживая сердцебиение, подходишь к калитке. Слева почтовый ящик, и, если терпения хватает, заглядываешь туда. Если нет – открываешь калитку, и – домой! Тут и острый радостный лай старого пса Мухтара. И баня осевшая. И окно кухни того же розового цвета.

Ей-богу, рассказываю, вспоминаю, и слеза подступает, – водитель улыбнулся, блеснул влажными глазами. – А вот и, наконец, дверь в избу, коричневая, обитая крашеным дерматином. Если бабушка не в саду и не на огороде, если дед не на псеке и не в своей мастерской, если не вышли они еще на собачий лай, открываешь дверь рывком, и, задыхаясь от радости, наклонившись под дверным косяком, входишь внутрь! И вот ты там, куда так стремился, когда был мальчишкой, и откуда так не хотел уезжать темным утром. Приехал. Сам! Когда захотел. К самым дорогим тебе людям на свете...

Я один так привязался к старикам. Не знаю уж почему. Старший братишка и остальные двоюродные вспоминали о них по случаю. Дядьки и тетки тоже навещались редко – у самих внуки были на подходе. Не собирались мы уже огромной семейной компанией. Хотели, планировали. Да так больше и не получилось. Никогда.

Короткие свои визиты в деревню я проводил дома. Помогал на псеке. Рубил дрова. Колол уголь. Топил баню. Изредка заглядывал на пруд. Еще реже в лес. С деревенскими ребятами не общался почти. К деду и бабушке приезжал. Ничего больше не надо было.

Дед всегда болел. Сначала, еще в молодости, легкие подвели. Потом спину скрутило от тяжелой работы. А под конец еще одна хворь одолела – ослеп на один глаз. А скоро и на оба! Тяжелое это время было. Я на последнем курсе учился. Приезжал, как и раньше. Дед сначала часто в больнице лежал. Я навещал его. Приносил приготовленный бабушкой обед, делился новостями, подбадривал. Потом, когда его определили в палату для безнадежных, он, оскорбившись, перебрался обратно домой.

Угасал он мучительно, долго. Из пожилого рослого молодца превратился в маленького, завязанного в узел, беспомощного человека. Лежал на кровати у печи. Стонал. Иногда плакал. Да что об этом рассказывать! Хоронили просто. Приехал дядька, я, собрался кто-то из дальней родни деревенской, свезли на кладбище... Помню, повалился я в ту ночь на свою постель, где раньше столько дум передумал. Жутко стало, как в детстве. Вот она и пришла – смерть.

Осталась бабушка одна. Сама хворая тоже. Ходит с трудом. Сердце подводит. А тут еще улы не дала все распродать. Пару оставила: «Будут мне жить помогать». Тележку приспособила – ящик с сотами в дом возить. Гнилушки для дымаря из старого мшаника в саду шелушила. И, надо же, пока жила она, жизни в доме как будто не убывало...

Года через два бабушку сразил инсульт. Прямо на пороге районной больницы. Кто знает, как поверну-

Денис прошелся глазами по соседям: Федора и Анки среди них не было.

– Очнулся? – безучастно спросил его кто-то, даже не повернув головы.

Все смотрели напряженно на дорогу – грунтовую колею, помеченную редкими радужными лужицами.

– Сколько? – процедил мужчина в военной шинели рядом с водителем, видно – офицер.

– Километров пятнадцать.

Денис попытался разглядеть людей.

Тот, что в шинели, явно был старшим. На угреватом, будто вылепленном из глины лице его блестели выпученные глаза

«Бескровное лицо, безжизненное, – отметил про себя Денис. – Как выпотрошенный!»

Рядом тряслись такие же, свинцовые от неведомого душевного груза, мужики без возраста. С пыльными лицами. Со слипшимися от пота волосами. С воспаленными глазами. С замершими в одной точке зрачками.

На панели приборов замигала оранжевая лампочка. Откуда-то из-за затылка раздался сухой клекот, похожий на треск телеграфа.

Шофер потянул рычаг, сбавил скорость.

– Просыпаясь, – обратился он к старшему.

– Что? – не понял офицер.

– Дети.

Офицер выругался.

– Ну, давай, по скорой!

Машина затормозила. Дениса, сидящего у двери, вытолкнули наружу. Он неуклюже стукнулся о землю затекшими ногами.

За ними остановились еще машины – «Урал» и ЗиЛ, крытые камуфляжными тентами.

Из кузовов посыпали женщины, дети. Бросились без слов врасыпную в кусты.

– Не задерживайся, не задерживайся, – бубнил себе под нос офицер.

Денис снова уловил легкий телеграфный треск. Может, кто-то баловался с кнопкой стоп-сигнала в кузове?

Треск усилился. Где-то за лесом что-то грохнуло, будто лопнула автомобильная шина. Маленькая девочка с распутившейся лентой в косе, бегущая к грузовику, присела и, разинув рот, беззвучно заревела.

– Бегом! – закричал военный. – Воспитатели, поверить, все на месте?

Они погрузились и рванули дальше.

Скоро за деревьями показались просветы.

– Чисто, – констатировал офицер, озираясь по сторонам.

Разбитая грунтовка перешла в асфальтированную дорогу. Машина прибавила ходу.

– Чисто, чисто, – приговаривал, как заклинание, военный.

Мелькнули брошенная автозаправка, развалина кирпичного здания. Из-за деревьев выпрыгнули конструкции, похожие на нефтяные вышки. И горы. Далекие, острые. Но не тувинские, не сибирские, другие!

За окном проплыл обезображенный остов боевой машины пехоты.

– Что это? – вскрикнул молчавший все это время Денис.

На разрытом траками и тяжелыми колесами поле громоздились трупы сгоревших танков, бронетранспортеров, БМП.

– Небось, только в кино такое видел? – недобро усмехнулся сосед.

– А сколько в городе еще, – отозвался кто-то.

– В каком городе? – не понял Денис.

– Кладбище военной техники, паря, – бросил Денису водитель. – Место гнилое. Поэтому и едем этой дорогой. Тут только вороны стаями кружат. А людей нет. Живых!

– А людей нам меньше всего сейчас треба встретить, – добавил военный.

– Как под Прохоровкой, – провожая глазами уродливые груды металлолома, отозвался кто-то.

– Только под Прохоровкой половина немецких была, а тут только наши!

– Так сами с собой и воюем.

– Своих по ту сторону я еще не видел.

«Война, что ли?» – Денис почувствовал, что и у него слипаются волосы.

Снова свернули на проселочную. Грязи здесь было больше, лужи обширнее и глубже.

Машина проваливалась то в одну ямину, поднимая фонтаны до самых стекол, то ныряла в другую. Денис считал: пятая, десятая, двадцатая...

Первым взлетел, задрал колени к подбородку, водитель. Его ударило о потолок и вынесло вместе с лобовым стеклом наружу.

Остальные смешались, завывали. Из-под кабины пошел клубами вонючий дым. «Ми-на», – различил по разбитым губам офицера Денис.

Дальнейшее воспринималось смутно. Они вывалились наружу в грязь. Денис захлебывался, пуская пузыри в луже. Кто-то ходил по нему тяжелыми сапогами. Какие-то тени метались вокруг. Женщины никак не могли оторвать от машин детей, намертво вцепившихся в борта грузовиков. Офицер, почему-то хромым, уже без шинели, убежал за горизонт.

а потом возвращался обратно. Кого-то осторожно тащили под руки. Одна из девочек все время приседала и зажимала уши...

Денис отползал от подорванной машины. Крики и плач до него доходили урывками. Уши будто залило воском. Ему хотелось бежать от этой беды. Он не хотел продолжать этот опасный путь. Он зарылся в колею и лежал там долго-долго, пока шум голосов и моторов не испарился, а на дороге у леса не осталось только тулово подорванного грузовика...

Он поднялся и пошел по полю, удаляясь от дороги. Сначала замирая и приглядываясь к каждой кочке. Потом более открыто, смело.

Ноги вязли в рыжей глине. Он вспомнил вылепленное из глины лицо офицера. Наверное, такие лица бывают у людей, попавших на фронте в окружение. Или у тех, кого предали самые близкие...

Миновав поле, Денис взобрался на пригорок и увидел впереди раздавленную танковую самоходку. Вероятно, он не решился бы подойти к ней, но машина лежала прямо на его пути к жидкому лесу, и он пошел вперед, глядя, как та приближается, покачиваясь в такт его шагам, ощерившаяся разодранными боками, ни для кого уже не опасная, неживая...

Приблизившись, он поразился ее исполинской мощи и одновременно ничтожности. Пробитое снарядом подбрюшье растянуло огромную машину в стороны – она подпрыгнула и замерла, раскорячившись неуклюже. Проломленная башня открывала рваный зев, будто охнув от тяжелого удара, машина оцепенела, держа в себе боль, терпя и недоумевая. Массивное дуло пушки, изогнувшись, смотрело в небо перевернутым водопроводным краном, словно враг-богатырь покуражился, лишил ее предназначения, надругался. Сквозь дульные вырезы орудия гулял ветер, и, казалось, машина гудит себе что-то под нос, воев, боясь открыть глаза, признать свое крушение. Колеса – выломанные зубы, пугали уродливой шербоатой улыбкой: с одной стороны трак был на месте, с другой отсутствовал, обнажая беспомощные в своей наготе диски. Распахнутые люки открывали доступ в самую душу самоходки, туда, где выжгли, верно, все живое, в том числе и человека – из нутра веяло душным копченым духом.

Денис стоял потемневший лицом у растерзанной машины. Из башенной пробойны выскочили наружу маленькие птицы и полетели прочь, сотрясая хвостиками, оглашая округу беззаботным чириканьем...

Человеческое жилище возникло неожиданно. Денис выполз из жидкого оврага и уткнулся в деревянный дом. Добротный, мазаный, широкий, он стоял безмолвный, и было неясно – есть люди внутри или нет?

На ветру поскрипывала непристегнутая калитка. Шуршали мыши среди кукурузной шелухи. Чернела пустая собачья будка с оборванной цепью.

Денис скользнул глазами по занавешенным окнам, собрался было идти дальше, но вдруг увидел на картофельном поле девочку. Ровесница, такая же пигалица – лет семи-восьми, одетая во все белое, но грязное, платок на голове, сидела на земле, покачиваясь из стороны в сторону.

– Эй! – крикнул Денис, чтобы даже не окликнуть, а разорвать тишину, разогнать страх.

Девочка дернулась, но не повернулась.

Он закашлялся, подошел ближе.

– Эй, – позвал снова.

Толстые некрасивые губы. Веснушки. Нос картошкой.

– Светка? – не поверил Денис.

В руках девочки был мертвый цыпленок. Квелый, с вытянутой головой, прикрытыми веками, бескровным гребнем.

– Умер вот, – она протянула его на руках.

– Тьфу! – засмеялся Денис. – Умер и умер. Ты что тут делаешь? Это же не Туран-хан. – Он оглянулся. – Откуда ты здесь?

– Жалко. – Она поднесла цыпленка к щеке, как младенца.

– Да ты вставай, Светка, земля холодная!

– Не страшно, – проговорила она, кажется, впервые осмысленно.

– Да ты брось, вставай, вставай. – Он потянул ее за руку. – Чего ты сидишь тут?

Она отстранила его руку. Встала сама. На белый сарафан налипли куски грязи. Ноги были босы.

– Ты в себе, здоровая? – Он потянулся ладонью к ее лбу, но она увернулась.

Ветер трепал ее волосы из-под съехавшего платка.

– Слушай, а мама где? Где твоя мама? Помнишь, ты ждала ее?

– Не знаю. Не могу найти.

– А тут кто? – Он кивнул на дом. – Кто тут есть?

– Ты что? – Она удивленно уставилась на него.

И махнула в сторону дома:

– Вон!

Возле дома было пусто. Качались прошлогодние стебли подсолнуха. Под навесом крыши шевелились травяные снопы.

– Кто там? Никого не вижу!

– Мама нет, – она покачала головой. – Мачеха есть!

Денис взгляделся в окна. За задернутыми шторами пряталась темнота.

– Мачеха есть. Только боится она меня. – Она улыбнулась.

– Какая мачеха, о чем ты, Светка?

– Она не страшная, – проговорила девочка, глядя куда-то в упор.

– Кто?

– Да она. – Она ткнула в пустоту пальцем. – Смерть! Гляди-ка, стоит, огрызается. Но не подойдет, знаю, не подойдет!

Дениса потрясывало, то ли от холода, то ли от волнения.

– Ты о чем?

– Продали маму. – Она заглянула Денису в лицо. – Мачеха всегда приходит, когда маму продают.

– Кто продал?

– Она ластится ко мне. Недавно сладкое предлагала. Сказала: «Светочка, я тебе гостинцы принесла!» А мне не надо. Не смей брать!

Денис глядел на девочку во все глаза, не находя, что сказать.

– Вот, курочку угробила, – сказала она, прижимая мертвую птицу к себе. – Назло мне. От того, что от себя гоню!

Тишину разрезал раскат грома. Потом еще один. И еще.

Небо было ясное. Далеко-далеко, за горизонтом, всплыло облачко серой гари.

– Колонну жгут, – проговорила девочка. – Не выбались они. Попались.

Глава третья. Центр

1.

Денис, чего ты там бормочешь? – Его толкал в плечо Федор. – Приехали. Москва!

Денис протирал глаза. Он был еще где-то далеко-далеко. Его колотило, точно от холода. На душе было скверно – то ли от мутного сновидения, то ли от долгой дороги.

Он уставился в окно и принялся бессмысленно разглядывать тянущиеся вдоль шоссе бульвары, дома, гастрономы, теряя ниточку тяжелого сна, не помня, где находился всего мгновение назад...

Москва. Он ждал этой встречи! Но и боялся ее. Что противопоставит он лавине нового времени, что предпримет в беспокойном огромном городе? – думал он в дороге. Но сколько ни ломал голову – ответа не находилось. Кроме, пожалуй, одного – он в пути, а значит, уже в действии. А значит, там, на острие истории, водоворот событий вынесет его на свое место. Даст намек, махнет флажком, обозначит дислокацию. Точнее, он сам все увидит и все поймет.

Но это в пути. А сейчас бы ехал и ехал. И пусть бы эта дорога не кончалась.

Они распрощались с радушным водителем. Закинули на плечи поклажи и подались к метро. Еще вчера они договорились: день-другой Денис проведет вместе с Анкой и Федором в каком-то театрике в центре города. Точнее, старшие сами предложили, видя, что Денис что-то недоговаривает, и, судя по всему, податься ему некуда. О целях его путешествия они особо не спрашивали, захочет – расскажет: таков народ автостопщики. Поэтому, поразмышляв-посоветовавшись, решили – есть желание, милости просим, от себя никто не гонит. А там разберется, пацан самостоятельный.

Денис был обескуражен ситуацией. Он в Москве – дома! Но как далеко его московский дом. Он рад – добрался. Но по-прежнему зависит от случайных людей, идет за ними, как привязанный.

Денис узнал здание театра, куда они пришли. Позднее в его подвале разместится ночной клуб, а в стенах какие-то учреждения.

У входа они встретили компанию девушек.

– Люди? – удивился Федор. – В это время театр, кажется, отдыхает.

Протискиваясь сквозь барышень, молодых, рядных, пахнущих духами, Денис уловил французскую речь – иностранные гастроли?

Они вошли внутрь. Проследовали – бродячие артисты – мимо окошечек касс по коридору к распахнутой двери, на которой значилось «Реквизитная».

В реквизитной стояли продавленные диваны, низкие столики черного цвета, в углу теснилась музыкальная аппаратура. Скоро подоспел хозяин помещения – Гера, косматый бородач в мятом пиджаке, товарищ Федора.

– Видели толпу у входа? – Гера обнимал друзей, пожимал руку Денису. – Устал от них, сил нет!

Он выхватил из шкафчика бутылку портвейна, стаканы.

– Иностранцы фильм снимают на нашей базе, – разливал он вино. – Неофициально! Директор их пустил, сорвал большой куш и укатил на море. А мне торчи! Днем дверь отворяй, вечером запирай. Был бы один – замкнул на ключ, и гуляй Вася. А так не вырваться. И баб этих прорва, не протолкнуться! Шестой день в театре торчу. Хорошо, вы приехали. Как раз присмотрите. А я отлучусь на день-другой.

Они приговорили бутылку вчетвером – Денис тоже приложился к стаканчику. Гера, поделившись новостями и послушав приятелей, умчался по делам. За хозяев остались гости.

Федор с Денисом взялись готовить обед – чистили картошку, лук, морковку, варили суп в маленькой кухне – продукты выделил Гера. Анка удалилась стирать.

Федор был чем-то недоволен, хмур темнее прежнего. Списав это на себя, лишнего, Денис досадовал: вот уж не избавятся!

Уловив настроение приятеля, Федор рассмеялся: – Не бери в голову, братишка! Не в тебе дело. И ни в ком! Худо мне. Тревожно, понимаешь? Все, видишь, у меня одна песня. То ли от того, что в город приехали, да какой город! То ли от чего другого – не знаю. Но худо. Кошки на душе скребут. Денис молчал, чего-то ждал.

– Вот, Москва. Один мне говорит – посмотри на лица людей, очистились, омылись. А по мне так обнажились, разделись. Да так бездумно, слепо. Сбросили с себя одежду и стоят с открытыми ладонями – смеются, радуются. Ждут чего-то. А радость-то эта, если вдуматься, глупая, блажная. На пустом месте радость!

Федор обращался к Денису, глядя куда-то мимо.

– Радость, что оковы скинули? А я вот чувствую, что именно сейчас меня кто-то в плен взять пытается. Что-то сует в нос – бери! А возьмешь – и пропал. Помнишь, про чудо говорили? Что ждать его остается. А я вот думаю теперь, чудо это заслужить надо. Вот так, за красивые глаза, за кроткую улыбку, за раскрытые ладонки, чудо не выдается. Выдается только что-то обманчиво-яркое, прелестное. Чудо заслужить надо! И никак иначе. А если по-другому – ты тысячу раз посмотри и подумай, что это за счастье к тебе в дом стучится. Картошка закипела, вода перелилась через край, затопила плиту. Федор и Денис бросились к огню.

– Что делать? – Денис ждал ответа.

– Тряпку давай!

– Что делать, говорю?

Федор молчал, вытирал плиту.

2.

Вечером Анка с Федором подались к старым приятелям. Прихватили с собой гитару и объяснили – сегодня не придут. На Денисе помещение: вечером надо закрыть театр на засов, утром отворить обратно.

День закатился. Спать было рано.

Денис вышел в коридор. Стеклопанель входной двери была открыта, и он не поторопился ее запирать. Он направился по каменной лестнице вверх, туда, где располагался зал, сцена.

Вытоптывая своими сандалиями по широкому ступеням, он слушал, как каждый шаг его поднимается к потолку, а потом падает обратно – торжественно и звонко. Крикнул громко – «Эй!», прислушался к эху. И вдруг понял, что в театре он не один. Вместо эха до него донесся смех, а потом гомон сразу нескольких смешавшихся голосов.

Он ступевался сам перед собой – в зрительном зале люди. Репетиция? Или, как говорил Гера, съемки фильма?

Спокойно и аккуратно, чтобы не производить лишнего шума, Денис продолжил свой путь, только уже с твердым намерением – понаблюдать за творческим процессом. Дойдя до входа в зрительный зал, он остановился – есть ли смысл заглядывать внутрь? Не выставят?

Задрал голову – выше вела винтовая лестница. Он поднялся по ней под потолок, ткнулся в овальную дверцу. Заперта. Припомнил, что у них в реквизитной под стеклом висит целая россыпь ключей, где-то подписанных, где-то безымянных. Сбежал, не создавая лишнего шума, вниз. За стеклом переливались – «Гримерная», «Буфет», «Осветительная», «Главный», несколько безымянных. Осветительная? Взял его. На всякий случай прихватил пару неподписанных и отправился обратно.

Что тянуло его туда? – размышлял он на следующий день. Съемки фильма? Отчасти. Скука? Не без того. Таинственность театральной (а значит, за гранью привычного) атмосферы, которая всегда зовет и манит? И которая может сообщить правды об окружающем куда больше, чем любые прохожие на улицах, любые разговоры и даже любые митинги, от которых, судя по новостям, гудит столица? Без сомнения. А вообще – все вместе.

Ключ щелкнул в скважине, Денис оказался внутри осветительной будки. В полутьме громоздились прожекторы, табурет, пухлые коробки. По периметру будку-балкон обтягивала металлическая сетка. Денис поймал себя на мысли, что ему нравится этот поворот событий. Все лучше, чем бесплодные мудрствования.

Зал бы средних размеров, даже, скорее, маленький, камерный.

У сцены за столом сидели двое – мужчина и женщина. Рядом топтались оператор, фотограф, еще кто-то.

На сцене у высокого стула стояла девушка. Перед ней лежала картонка с номером 112. Горели софиты и несколько низких ламп.

Мужчина спрашивал по-французски, женщина переводила.

– Вы знаете, какой фильм мы снимаем? – спросила переводчица.

Девушка потупилась:

– Да.

– Вы видели раньше такие фильмы?

– Видела. – Голос у девушки дрогнул, она волновалась, как и любая актриса на пробах.

– Вы готовы сейчас раздеться? – Голос женщины прозвучал пылливо и тихо.

Актриса отвела глаза в сторону. Но вместо того чтобы возмутиться, убежать, улыбнулась:

– Готова.

И зачем-то прибавила по-французски:

– Уи.

Воцарилась тишина. Мужчина-шеф облокотился о стол.

Девушка встала. Не глядя в зал, сняла просторную кофту в большими декоративными пуговицами.

Джинсы стягивались с трудом. Одна штанина застряла в носке, и девчонка долго возилась с ней – переводчица даже вскочила с места, чтобы помочь.

– Сама, – извинилась претендентка, сдирая с себя злополучную штанину, складывая невывернутые джинсы на стул.

Замешкалась на секунду – раздеваться ли дальше? Люди в зале внимательно молчали.

Расстегнула лиф с большими чашами. Прикрывая зачем-то локтями грудь, стянула трусы. Сложила белье на стул. Выпрямилась сырая, белая.

Зашелкал вспышкой фотограф, зажужжала камера.

– Поднимите руку вверх, – переводила помощница за столом. – Да, откиньте волосы. Повернитесь.

Девушка повернулась пухлой попой.

– Пройдитесь вокруг стула.

Девушка продефилировала неумело.

Пара за столом пошепталась, мужчина-шеф одобритительно засмеялся.

– Спасибо, – проговорил он на ломаном русском.

– Одевайтесь, – сухо сказала помощница.

– Спасибо, – тоже поблагодарила девчонка, собирая вещи в охапку, – ей, должно быть, не хотелось совершать прилюдно интимную процедуру одевания.

Переводчица проводила ее за дверь. И скоро явилась с новой красавицей.

Крупная, миловидная, но какая-то нескладная, неоформившаяся девушка пошла в зал. Держалась она увереннее предыдущей. Сразу села на стул, сложила ладошки лодочкой, длинные волосы убраны ободком, широко и лучисто улыбнулась.

Возле нее поставили номер 113.

– Мы снимаем кино, – начала женщина.

– Я знаю! – откликнулась гостя.

– В нашем кино снимаются обнаженными.

– Знаю.

– Вы готовы сняться в нашем фильме?

– Да, – успокаивающе кивнула девушка. – Я готова эта сделать.

Француз о чем-то спросил ассистентку.

– Где вы учитесь?

– Я учусь в театральном, – нараспев сказала девчонка. – На актрису.

Француз снова наклонился к помощнице.

– Сколько вам лет?

– Семнадцать.

Женщина всплеснула руками:

– Всего семнадцать лет?

Шепнула что-то шефу, тот цокнул языком.

– Вы несовершеннолетняя. И поэтому не можете сниматься в нашем фильме. Когда вам будет восемнадцать – вы сможете делать все, что захотите. А пока – извините. Успехов вам на театральном поприще!

Третья была черноволосая и худая. Ей, кажется, раньше задали все предварительные вопросы, поэтому сразу попросили раздеться. Девушка без промедления скинула блузку, юбку, стянула колготки, сбросила белье.

– Мы хотим, чтобы вы сыграли для нас в короткой сценке, – объяснила переводчица. – Девчонка-меломанка. Нужно станцевать под музыку. Согласны? – Да, конечно.

По залу поплыла музыка. Девушка вытянула губы трубочкой, закивала в такт бедрами. И, будто забыв, где она, кто и что вокруг – отдалась танцу.

Не имея, очевидно, профессиональной танцевальной подготовки, она попыталась сочленить в своем импровизированном номере все известные ей стили. Она вскидывала руки вверх, как в балете. Трясла головой и руками с выставленными вверх большими пальцами, как в рок-н-ролле. Хваталась за виски и кружилась неумело, но от души с закрытыми глазами. Поводила обнаженным лобком, как бы двигая им отдельно от остального тела, и трогала, извиваясь, острые грудки. Томно смотрела в зал и, подчиняясь только ей известному сюжету, грозила режиссеру пальчиком.

Зрители-французы наблюдали за ней с неподдельным интересом. Денису казалось, что они не знают, что и думать. То ли аплодировать, то ли смеяться. Возможно, им и не нужна была эта самодеятельность, выглядящая несуразно, потешно.

Закончила танцовщица неожиданным па – приземлилась на одно колено, вытянув шею и устремив глаза куда-то вверх, как раз туда, где сидел Денис.

Из зала послышались неуверенные хлопки. Деятели кино зааплодировали, но и захохотали во весь голос.

Русская переводчица пошла за очередной барышней, а Денис попытлся к выходу – представление оказалось очень красноречивым.

Он еще не осознал вполне чувств, kloкочущих внутри. Среди них была и брезгливость, и недоумение, и злость. И какая-то глубокая личная обида.

Уже не беспокоясь, что его заметят, он выкарабкался наружу. Появись сейчас дама-помощница, он, видимо, бросил бы ей что-то нелицеприятное в лицо! Дама не появилась. Денис спустился в свою каморку и зажался в угол, обескураженный и померкший.

Перед глазами стояла бесстыдная танцовщица. Робкая, сырая, первая. Глупая до одури вторая. В голове, перебивая друг друга, трещала музыка, софиты, шелкающий фотоаппарат, струящаяся иностранная речь.

Наполненный всем этим до отказа, Денис лежал, неподвижный, на раздвижном кресле и против своей воли переваривал увиденное. Он включил радио на стене, но тут же выключил – било по перепонкам. Подумал было сходить на кухню, сжевать чего-нибудь, но не сдвинулся с места – в горло кусок не полез бы. Поднялся выйти на улицу, прочиститься свежим воздухом, но понял, что не в силах сейчас соприкоснуться с кем бы то ни было: в любой встречной девице он будет видеть дуреху со сцены, за каждого приличного вида женщиной углядывать подвох, червоточину. Или же сам обрызгает грязью ни в чем не повинных прохожих, которой наполнился, став свидетелем веселых кинопроб. Шелкнув шпингалетом на двери, он долго смотрел пустыми глазами в потолок, пока не провалился в нездоровую дремоту.

3.

Кто-то будил его. Тряс за плечо и повторял: «Вставай!»

Денис промычал что-то в ответ и поймал себя на мысли, что так сильно ему не хотелось спать никогда в жизни.

Покой длился недолго. Его стали тормошить сильнее. «Да просыпайся ты!» – уловил он сердитое, но лягнулся ногой и накрыл голову подушкой – сгинь!

Он отдался сну, но уже не такому безмятежному, как раньше. Его больше никто не тряс, никто ничего не требовал, но какая-то заусеница несносно щекотала в мозгу. Он то проваливался в дремоту, то приходил в состояние смутной осознанности, не

понимая, что тревожит, что гнетет, мешая здоровому глубокому покою.

Над головой хлопнуло. Заусеница внутри изогнулась в последней попытке сообщить важное. Денис разлепил глаза. Пыльная лоштра. Столик. Блуждающий взгляд его коснулся двери. Шпингалет на двери был отвернут.

Он поднялся рывком – что за глупости? Отворил дверь: в конце коридора слышались шаги. Денис поспешил за ними следом.

Вбежав в вестибюль, он ужаснулся – все пространство, пол, лавочки, одинокие стулья были завалены здесь спящими людьми!

Спящие были сплошь мужчины. Крепкие, как тюки. С красными огромными руками, мясистыми лицами. Они лежали, запрокинув головы в безудержном сне, храпя на разный лад, свистя распахнутыми глотками, топорща клочковатые бороды и усы, пуская ниточки слюней, бормоча и причмокивая.

Одеты все были в не по погоде теплые ватные тулупы, такие же штаны, расхристанные холщовые рубахи, кто в сапоги, кто в бесформенные тяжелые ботинки, а один даже в унты. Лежали как попало, где придется, как придется, завалив все помещение раскиданными в беспорядке мослатыми руками, ногами, чугунными головами. В воздухе стоял дурной дух.

Меж людьми сновала девочка. Она бросалась то к одному спящему, тормошила, толкала его. То к другому – «Просыпайтесь!». Выбиваясь из сил, подсовывала голову в косицах под мышку третьему и тужилась поднять его, поставить на ноги, очнуть. Всхлипывала, собирала последние силы и сердито колотила четвертого – «Вставайте, помогите! Помощь нужна, помощь!».

Мужчины бормотали что-то несвязное в ответ, улыбались, перекатывались с боку на бок, но не просыпались. Человеческая масса продолжала вздымать животами, сообщая полную невозможность любого своего действия.

Девочка остановилась на миг в раздумье, сжала кулаки и, махнув рукой, бросилась к выходу.

Денис кинулся за ней:

– Светка?

Девочка обернулась.

– Да, – всхлипнула она и заулыбалась.

И тут же добавила серьезно:

– Пошли, Денис, времени мало!

Они бежали по пустым улицам столицы, и никто не попался им на пути – ни один человек, ни одна машина. Будто вымер город. Или уснул беспробудно.

Светофоры перемигивались на перекрестках желтыми глазами. Мерцали лампами высокие фонари.

– Сюда теперь! – Она бросилась в узкий проулок, и бывшая до сих пор ровной мостовая стала набирать высоту.

Остались позади городские огни, многоэтажки. Они миновали несколько деревянных строений, темных бараков. И вдруг оказались на пустыре. Денис оглянулся и увидел, что город находится далеко внизу.

Не останавливаясь, не задерживаясь, Светка топилась вперед. И только раз бросила:

– Своротили все!

И даже остановилась, заглянув ему в глаза:

– А ты не видел разве?

Путь освещал месяц. Они ползли вверх по каменистой тропе. Дорога временами казалась знакомой Денису. Такие же обрывы, каменные кручи он видел в окрестностях своего Туран-хана.

В одном месте им навстречу вылетела большая птица. Тут и там из-под ног бросались в стороны мыши, тушканчики, другая степная живность. Горы были степными, тувинскими!

– Вон там! – Она показала на широкую, как спина, вершину горы.

Денис всмотрелся в освещенный луной склон. Корявые деревья. Странные нагромождения камней.

Не останавливаясь, вприпрыжку, на корточках, как заяц, он первым добрался до вершины и встал, глядя кругом и вниз, – что дальше?

– Видишь, – кивнула подроспевшая Светка на горизонт. – Зарево. Рассвет скоро.

И подойдя к одному из валунов, лежащих тут же, на склоне, навалилась на него:

– Перевернуть надо!

Они, двое детей, опрокинули камень, и он упал, испещренный стеблями, светлый тыльной стороной, выбеленный.

– Вот, – показала она, смахнув комья земли и траву с мазанной известью поверхности, – видишь?

Подошла к другому, тоже выбеленному, но, уже не пытаясь перевернуть, уперлась в него руками и стала толкать к тому, первому, – Денис бросился помогать. Приткнув камни друг к другу, они пошли за следующим.

Камни были разбросаны по всему склону, где-то поодиночке, где-то грудями. Будь они округлыми, тащить-катить их было бы легче. Но камни все, как на подбор, были сплошь неудобные, остроугольные – где-то готовые кубы, где-то продолговатые плиты.

Денис и Светка примерялись сначала к тем, что поухватистее и полегче. Будь они постарше или будь рядом хоть один взрослый, они ловчее и быстрее бы справились со своей работой. Но выбора не оставалось, и где-то волоком, где-то поддевая

найденной палкой, мало-помалу они составляли на вершине нехитрую мозаику.

– Светает, – грустно констатировала Светка, глядя, как поднимается из-за края земли огромное красное.

Они управились почти. На склоне нетронутыми лежали лишь несколько разбросанных валунов. Еще пару подогнанных друг к другу им не хватило сил перевернуть.

Время оставалось, они взялись за длинную тяжелую плиту и, уткнув ободранные ладони в каменное, навалились на нее, перебирая по вспаханной земле сбитыми сандалиями.

– Ну, – пыхтели они, толкаясь острыми плечами. – Ну!

Солнце открылось разом, будто распахнули шторы. Зашебетали невидимые птицы, затрещали кузнечики.

Денис и Светка смотрели на творение своих рук и не понимали – плакать им от досады или радоваться? Щербатая, горячая известью надпись вспыхивала под высоким прозрачным небом. Далеко внизу начинал свою жизнь город.

4.

На отрывном календаре значилось – «1990». Денис лежал на продавленном кресле, и внутри что-то саднило. Будто и не спал. Над головой горела люстра – он забыл погасить ее вчера. А еще вчера произошло что-то скверное, только он не помнил – что? Спать лег разбитый, даже не разделся. Остался за сторожа, но не запер театр на ночь.

Он скосил глаза на дверь, увидел застегнутый шпингалет, и его передернуло – веселые кинопробы! Все припомнилось.

Снаружи забарабанили.

– Открывай, сын степей!

Денис подался к двери. Федор, Анка, вот уж долгожданые гости!

– А ты никак только проснулся? И театр открыт всю ночь? – Дружья заполнили свежестью все пространство. – Что это у тебя уныние и спертый воздух?

Федор поставил в угол гитару в чехле.

– Хороший квартирник был! Старые друзья, новая музыка. Завтра едем в Ленинград.

– Завтра?

– Ты чего такой смурной?

– Так. – Денису не хотелось ничего говорить, он вышел наружу.

В холле было тихо. Из-за стеклянной двери вестибюля пробивались внутрь солнечные лучи, слышались

– Начинаем! – бросила в пол русская женщина и с папкой под мышкой вышла в дверь.

В зал вошли четыре молодки – ни одной вчерашней. Отборные в своей красоте, нежные, свежие.

Девушки несмело сгрудились у выхода. Режиссер бросился к ним, подхватил элегантно ниже талий.

Тут же подоспел детина в черном костюме с бутылкой и гранеными стаканами. Плеснул золотистого напитка.

– Чтоб легче пошло, – прошептал. – Чтоб чинно прошло!

Девушки приложились к стаканам.

– Раздеваться! – скомандовала переводчица и повела актрис в конец зала. – И одеваться!

С ворохом вещей подоспела костюмерша-француженка. Замелькали шубы, шинели, фуражки, ушанки. Режиссер, расположившись за столиком, снисходительно косился на избранниц.

Наконец нарядили первую – пышногрудую блондинку. Ее одели в норковую шубу, на голову водрузили высокую военную фуражку с элегантной кокардой. Из-под меха красотки выглядывали кусочки обнаженного тела.

– Генеральша! – улыбнулась переводчица.

Точное тело второй, смуглой, обволокла громоздкая шинель не по росту. Ноги ее обули в военные же сапоги на пару размеров больше. На голову посадили ушанку. Девушка едва не всхлипывала, глядя на себя в зеркало.

– Это ненадолго, – шепнула ободряюще переводчица.

На голые плечи третьей, рыжеволосой, накиннули только распахнутый серо-зеленый военный китель, из-под которого тут же выглянула любопытная грудь. На обшлаге кителя позвякивали медали. Девушка с удивлением трогала их пальцами.

– Стильно! – заметила переводчица.

Четвертую – русоволосую, юную, тонкую – выпустили без костюма. Просто раздели и навели макияж.

– Ему важен контраст, – объяснила переводчица.

Настало время золотозубого детины, который во время переодеваний дежурил у двери.

– Жора! – позвала переводчица.

Жора склонился над тяжелым ящиком и вынул из него две электрические пилы.

– Вуаля! – лихо запрыгнул он на сцену с пилами.

Положил их аккуратно на пол, спустился к ящику и вернулся еще с парой таких же.

Девушки испуганно смотрели на опасные инструменты.

– Страшного ничего нет! – хмыкнул он. – Пилы японские, безопасные. Палец захочешь оттяпать – не выйдет. Работают от аккумуляторов. Включаются

здесь. – Он нажал кнопку на корпусе, и пила заурчала. – По сравнению с нашими «Дружбами» – игрушка! Легкие и простые в обращении. Держать можно как одной рукой, так и двумя. Работать, понятное дело, требует, держась за обе ручки. Дерево у нас не бревно на лесоповале – быстро управитесь. Еще и понравится! Ну, кто первая? Выходи!

Денис смотрел, как по одной поднимаются девушки на сцену. Как возбужденный Жора объясняет, как включать пилу, как грамотно производить распил.

Постыдная картина – голые ряженные девки с пилами – ввела Дениса в какой-то безразличный ступор. Он догадывался, что может произойти дальше. И не хотел видеть этого. Он отлепился от стула-магнита и собрался выйти вон.

– Берегись! – раздался внизу голос детины, потонувший в грохоте и мате.

Денис снова заглянул в зал.

На сцене плашмя лежала деревянная декорация, едва не прибившая вжавшихся в занавес девчонок. Детина потирал руку и выл.

– Жора, поставь его уже! – раздраженно вмешалась переводчица. – И начинаем.

* * *

– Камера! – хлопнул в ладоши режиссер.

И камеры заработали.

– Мюзик! – скомандовал он.

И по залу поплыла узорчатая народная русская песня.

– Первая! – выкрикнула переводчица, и из-за кулисы появилась первая – полногрудая блондинка в шикарной шубе, похожая на Снежную королеву, с пилой в руках.

Обворожительно улыбаясь – действительно писаная красавица, – она нажала кнопку на пластиковом корпусе и приблизилась к деревянной рукоятке серпа.

– Вторая! – последовала команда, когда из динамиков грянул девичий хор.

Вышла вторая, в сапогах и шинели, похожая на школьницу-партизанку, улыбаясь белозубо из-под съехавшей набекрень ушанки.

– И сразу третья!

На сцену выплыла длинноногая третья, похожая на сказочную лисичку.

– Четвертая пошла. Пилы, пилы все включили!

Музыка слилась с механическим урчанием моторов.

– Где четвертая?!

Запоздало появилась четвертая, босиком, нагая, похожая на прозрачный лепесток, с нелепым агрегатом в тонких руках.

– Начали! – закричала переводчица, выполняя команды начальника, кажется, впервые так азартно вживаясь в процесс киносъемок.

– Ух! – донеслось до Дениса.

И пышная блондинка, встряхая грудями, первой провела пилой по рукояти макета, улыбаясь ставшими особенно сочными губами.

За ней, задрав руки, выбрав для распила удобный оконечник серпа, вонзилась в дерево вторая.

Третья, расставив ноги и нагнувшись, пилила основание молота, дрыгая грудками, звеня значками и медальками.

Четвертая подняла пилу и замерла, примериваясь и нервничая, глядя, как остальные ловко расчленяют деревянное красное.

Летели из-под металла ручейки-опилки. Зал снова наполнился крепким ароматом свежеспиленной древесины.

– Не стойте! – закричала переводчица, видя, что четвертая застыла в оцепенении.

Девчонка дернулась и, улыбнувшись в камеру, коснулась пилой дерева.

Брякнул о пол брусок, спиленный сильными руками блондинки. За ним осыпались обрубки, скошенные двумя другими. Долго терзала дерево четвертая, но управилась и она – отхватила особенно крупный кусок декорации.

Девицы впали в кураж. Они смелее и веселее вонзали пилы в макет, который был ампутирован по концам, но еще огромен.

– Шубы прочь! – перевела команду режиссера помощница. И девушки, смеясь, сбросили с себя последнюю одежду.

Денис не видел происходящего. Перед его закрытыми глазами плясали под народные мотивы какие-то дети в карнавальных костюмах, много детей. Они приседали, мотали головами и растягивали губы в резиновых улыбках, как манекены, глядя в упор на Дениса, заглядывая ему прямо в глаза.

Они проносились мимо, один за одним, бесчисленным множеством. Кто-то, выделяясь бумажной маской, приближался к Денису и мгновение смотрел на него расширенными зрачками сквозь прорези для глаз. А потом исчезал, как не был, и его место занимал следующий.

Проплыли бледным студнем мальчики и девочки в мышинных пальто. С синюшными нездоровыми лицами, в язвах и проплешинах на головах, с цыпками на руках, чинно отбивая ладошами ритм и выдавая ногами кривые коленца.

С наивными красными галстуками, с горнами в руках прошагала колонна румяных пионеров в бе-

лых рубашках. Они пели песню, беззвучно раскрывая рты, кивая ему мимоходом, как старому знакомому, и указывая глазами куда-то выше.

Выделяясь ростом, просеменил мимо пацан, видимый где-то, прижимая к себе пушистую лайку с бурными липкими боками.

Откуда-то взялись совсем малыши, голенькие или в одних плавках, они бежали, сбивая друг друга, смеясь редкими молочными зубами.

Денис старался найти в этом потоке лиц одно, знакомое, девичье. Он будто знал, что именно она поможет ему, что-то подскажет, направит куда-то.

И он увидел ее – ту самую улыбчивую ровесницу из детства. Она шла в толпе. И, как и остальные, заглянула ему в глаза. Но совсем иначе, чем он ожидал. Словно это она спрашивала у него что-то. И кивнула даже – ну? А Денис не нашелся что ответить – ответа ждал он.

Девочка не задержалась и прошла дальше, махая руками над головой, приседая нелепо под мелодичный перезвон.

И снова шли и шли дети. И каждый глядел на него в упор или тайком. И, поймав его растерянный взгляд, торопился дальше, ничего не говоря, ничего не выражая...

Денис задрал голову и увидел сияющее прозрачное небо. И пологий склон, поросший травой. И горы. Но не тувинские горы, а другие, далекие, чужие.

По полю шел взрослый человек – грязный, усталый, в залатанных штанах, в выцветшей запотелой рубашке. Он затравленно оглядывался назад и прятал лицо в козырьке ладони, всматриваясь вдаль.

И вдруг Денис узнал его. Это был отец!

И тут же Денис увидел, что у отца вздуты скулы – от густых сизых подтеков под глазами. И распухли губы – в их краях собралась засохшая сукровица. И нос неестественно широк – таким расшлепанным носом, наверное, очень тяжело дышать. И идти отцу сложно – он держится рукой за одно колено и старается как можно мягче ступать этой ногой на землю.

Он бежит от кого-то, спасается?

«Папа!» – клокотало внутри Дениса, но он помнил, где находится. И ему было стыдно перед отцом. За себя. За то, что видел. За свое молчание.

И он ничего не сказал ему, не окликнул его. Он отвернулся от отца. Опустил голову вниз, туда, где только что шли нескончаемым потоком дети, но там было пусто.

Путаюсь в ветоши, сдерживая в груди стыд и обиду, Денис бросился к двери. Чтобы навсегда убежать отсюда, не возвращаться никогда. И никуда не спешить. Ничего не пытаться, а жить своим чередом, забыв обо всем.

Выскочив наружу, он остановился. Сейчас он спустится вниз. Потом еще ниже. Зайдет в каморку, где сидят Федор и Анка. Перекинется с ними словом. И уйдет на улицу, потому что у него не будет сил говорить, смеяться, радоваться или печалиться, готовить пищу, строить планы. Он пойдет куда глаза глядят по большому темнеющему городу, и чем дальше станет уходить, тем спокойнее ему будет. И он будет идти, пока не кончатся силы, а потом повернет обратно и приковыляет к театру глубокой ночью. Утром, как ни в чем не бывало, он обрадуется новому дню. Потом вместе с друзьями начнет собирать вещи, и все завертится вокруг этих сборов и вокруг новых дорог, и ему, Денису, станет легко и весело. После обеда придет Гера – и они выпьют вина, в том числе и Денис. А потом, распрощавшись с Герой, двинут, нагруженные вещами, куда-то втроем. Анка вежливо предложит ему ехать с ними в Ленинград. И Денис поймет, что попал в замкнутый круг. И ему станет холодно и страшно от предложения Анки. И он откажется, конечно. И Анка подойдет и обнимет его. А Федор будет внимательно смотреть на него и отчего-то помедлит пожимать раскрытую мальчишескую ладонь. И Денис поймет, что ему пора бежать. Так далеки станут для него эти люди. И таким ничтожным покажется себе он сам. И он развернется, и пойдет своей дорогой, стараясь не думать об этом большом городе, об этом случайном театре, об этих двоих, об этой долгой дороге. И они – эти двое – постараются не думать о нем и не вспоминать в общих разговорах. А вспоминая, каждый раз станут испытывать странную неловкость.

И вернется Денис домой – ведь у него есть дом и родители, которые его потеряли и ждут. И если он не застанет их дома, то придет к ним в горы с рабочими на одной из геологических машин. И, встретив, скажет радостно: «Здравствуйте, мама и папа, я вернулся!» И мать станет смеяться, и плакать, и ругать его. А отец лишь внимательно смотреть, задавая очень мало вопросов. И Денису станет неуютно от этого взгляда отца, и мороз побегит по коже. Но он выдержит неожиданный взгляд отца. И даже усмехнется. Потому что все пройдет. Нужно только подождать.

А в одно прекрасное утро он проснется рядом с любимой женщиной в своей московской квартире.

И будет лежать, не двигаясь, и вспоминать безумный сон, который ему приснился. И вот уже ничего не останется перед глазами, кроме какой-то незнакомой девочки, и отца в полинялой рубашке, и кого-то еще – кто-то еще был там, кроме них, какие-то хорошие люди, уже и не вспомнить...

Денис прикрыл за собой дверь осветительной и спустился жестяными ступенями вниз.

Одна белая колонна, другая. Можно обнять такую и стоять, не отпуская, чтобы не упасть.

А еще можно прижаться лбом к холодному белому и замереть, потому что странно мутит и, кажется, вот-вот вырвет.

Он уперся глазами в блестящую дверную ручку, которая казалась ему липкой, обмазанном чем-то сладким. Внутри слышалась музыка, грохалось на сцену пиленое дерево. Звучал последний куплет старой доброй песни, которую он знал наизусть.

Денис подошел к двери. Протянул руку к ненавистой ручке, тронул пальцами. Схватил всей пятерней, дернул на себя, потом внутрь!

Дверь была заперта. Он не заметил из своего гнезда крохотного ключа в замочной скважине.

Изо всей мочи он дернул ручку снова и снова. Серая дощатина завибрировала, отворилась, и наружу выглянула физиономия держиморды.

У Дениса не было времени думать. Вжимая голову в плечи, он рванул под мышку охраннику, вкладывая в свой порыв всю обиду, стыд и унижение, которые испытал в эти два дня. Охранник, будто того и дожидаясь, перехватил его за локоть и вывернул так, что Денис рухнул на колени.

Денис замычал, зарычал, а потом и закричал во все горло!

Инородный детский вопль смешал все в зале. Замерли испуганно девы с гудящими пилами. Заметался у стола режиссер, не находя источник неясного звука. Операторы опустили камеры. Оборвалась музыка.

Хватка охранника ослабла – Денис выдернулся и поскакал к сцене, туда, где, визжа, разбегались, прикрывая срам, девушки.

Он взлетел на подмосток, на котором покачивался массивный обглодок декорации. Не понимая, что делать, побежал на девок, прячущих телеса в портьеры, рыча и вереща: перепуганные, они визжали еще пуще, отмахиваясь руками и ногами. Подхватив с пола увесистый брусок, он запустил его в вертящегося у сцены режиссера – промазал! Схватил другой и бросил в карабкающегося увальня в костюме – попал тому прямо в темя. Споткнулся, отступая, о гудящую пилу – она валялась зазубренной лентой вверх. Не дожидаясь, пока его схватят, сгреб пилу

в охапку, развернулся, вооруженный. Но тут же пошатнулся и упал: на спину, со стороны дев, ему опустилось что-то тяжелое и острое.

Его выволокли в коридор. Хватали тонкое горло руками. Мяли и сжимали.

– Ты кто?! – слышал он над головой удивленное, снабжаемое увесистыми оплеухами.

Он прятал голову и огрызался.

Распахивалась дверь, кто-то входил, выходил, наклонялся, рассматривал его – Денис видел лишь сменяющие друг друга туфли. Брызнуло стекло видеокамеры – его снимали.

Под крики, кажется, режиссера из зала выбежала одна из девочек – Денис понял это по топоту каблучков.

Каблуки удалялись торопливо.

– А как же гонорар, дорогая? – насмешливо бросила ей вдогонку переводчица.

Каблуки только ускорились.

– Подстилка! – закричали ей вслед. – За копейку продалась! Мразь!!!

Людей вокруг стало меньше.

– Принеси палку! – подал голос охранник.

– Зачем?

– Неси! Что нарушил – тем и проучу.

– Здесь?

– Нет.

– А работа?

– Я быстро.

– А если шум поднимется?

– Палку тащи! А его в подсобку. Видно, ничей, беспризорник. Такого отребья сейчас много болтается.

– А французы?

– Им што? У них свои заботы!

– Куда ты смотрел? Как проморгал его?

– Кто знал! – охранник выругался. – Театр, вход открытый.

Денису стало страшно. Он ни о чем не жалел, нет. Точнее, ему не о чем было жалеть. Все, что произошло с ним в зале, было уже в безвозвратном прошлом. Существовало лишь неминуемое сейчас. И это сейчас было тяжелым и бесконечным. Как туша охранника рядом. Как тугая боль в спине и шее. Как неожиданная зависимость от этого случайного человека. И тут же сверкнула надежда: а может, не тронут такого маленького? Точно, не тронут, он же совсем ребенок!

Денис вытянул голову из плеч.

– Ай! – коротко взвизгнул детина и дал наотмашь ребром ладони ему в бок. – Лежать!

Денис сложился обратно.

– Откуда ты взялся? – бормотал мужчина высоким бабым голосом, обращаясь больше к самому себе. – Откуда? Тебе кто разрешил к людям заходить? Твое место на улице, объедок. А здесь люди серьезные. Большое дело делают. Я им не ровня. Я им не перечь! А ты кто? С такими знаешь что делают? За то, что тень бросил. Что рядом посмел появиться. Скоро узнаешь. Ай, я тебя пощекочу...

Снова появилась женщина. Ковырнула Дениса острой туфлей.

– Падаль малолетняя! Иди, дядя Жора с тобой поговорит.

Дениса сгребли в охапку, зажали рот.

Сырой мужик заволок его куда-то в тесное помещение. Сдернул с гвоздя веревку, замотал Денису руки. Затолкал пыльную ветошь в рот. Загремел швабрами, табуретками, вынул из угла массивную гладильную доску на железных ногах, уложил Дениса на нее. Стянул до колен детские шорты и трусы.

– Что, цыпленок, отбегался? – обнажил он острые редкие зубы в сладкой улыбке.

Выпрямился, разглядывая лежащего перед собой ребенка. И, вскрикнув тонко, врезал деревянным обручком по мальчишеским ягодицам.

– А, на, давай!

Глядя с удовольствием, как извивается тонкое тело жертвы, дал с оттягом второй раз:

– А, на, еще!

Денис впился зубами в тряпку.

– А, на! А, на! А, на! – стегал он по наливающейся бурями рубцами коже.

Денис вертелся, желая увильнуть от нового удара, упасть вниз, остановить избиение.

– А, хорошо? А, жарко?! – хрипел мужчина. – Не спать! А, не спать!

Денис грохнулся на пол вместе с гладильной доской. Закрутился, замычал, запрыгал, как гусеница, под ногами своего мучителя.

Мужчина подтянул его за шиворот:

– Ты что, паря? Стряслось што? Тише, тише. Прошло все!

Снова уложил ребенка на доску. Заглянул в глаза. Погладил ощерившийся мальчишеский затылок.

– Тш-ш, прошло, прошло все. Ух, мы их, живодеров!

Поправил узлы на веревках. Глубже затолкал кляп в горло. Задумчиво глядя на сине-бурые дрожащие ягодицы, примерился.

И снова обрушил свое орудие на плоть, и снова. Бил, стараясь точно угодить по ягодицам. Чтобы звук удара получился звучным, хлестким, как пощечина.

Денис опять упал, уже против своей воли, не понимая ничего, не сопротивляясь, захлебываясь кислой слюной, пропадая куда-то временами.

Мучитель подцепил его, расплывшегося, палкой, уложил на железную двуногу снова. Раздосадованный чем-то, выругался. И принялся молотить уже без разбора, куда попало, как попало, скалясь, разбрызгивая пот, заливаясь беззвучной бранью.

После очередного удара тело Дениса дернулось, ноги в сандалиях опустились безжизненно.

– Ой, ты! – вскрикнул мучитель и, покачивая бедрами, обежал несколько раз доску с лежащим на ней мальчишкой, не смотря на него, а глядя куда-то вверх отсутствующим взглядом.

– Э, э, – проговорил он нараспев, трогая недвижимое лицо жертвы.

Пошарил вокруг глазами. Сунулся в шкафчик. Надолго застыл у полок с порошками, тряпками, кусками хозяйственного мыла, резиновыми перчатками, перебирая их, переставляя с места на место, как кубики, бормоча что-то невнятное под нос, пыхтя, удивляясь.

– Э, э, – вернулся к папану, но уже не как к жертве, а как к неодушевленному предмету, глядя на него, как на тот кусок мыла.

Ткнул пальцем в плечо, тронул за ухо, оттянул губу, провел по красному месиву ягодиц.

– Э, э...

Посидев какое-то время рядом, поднялся устало. Вынул из одного из ящиков шерстяное клетчатое одеяло. Разложил на полу. Освободил мальчишеские руки от пут. Вынул кляп. Подтянул трусы и шорты: из узких детских карманов посыпался тонкой струйкой песок вперемешку с мелкими камнями и кореньями. Уложил на одеяло, укутал как младенца. Обвязал веревкой, которой до того затягивал руки. Убрал гладильную доску в угол. Затворил шкафчики. Погасил свет. И вышел, щелкнув снаружи ключом.

8.

Музыкант Федор сидел на топчане, перебирая струны, встряхивая волосами, думая, кажется, совсем не о музыке. Его подруга Анка возилась с вещами, что-то вынимала из рюкзаков, что-то перекладывала.

Федор отставил гитару в сторону.

– Ты что? – уловила беспокойство друга Анка.

– Так, – прислушался Федор. – Что-то Дениса давно нет.

– Странный парень, – сказала Анка.

– Почему?

– Заблудился.

– Да нет.

– Что нет?

– Знает куда идет.

– Ты о чем?

– Целеустремленный пацан. – Федор поднялся.

– Стой, да ты куда?!

– А ты чего так разволновалась? Пойду выйду, покурю.

– Погоди. – Она бросила вещи.

– Что с тобой?

– Страшно.

– Страшно? Почему?

– Не знаю, не спрашивай. – Она подошла, обняла, спрятала рыжие волосы в его бороде.

* * *

Девочка сидит на теплой бетонной плите на песчаном пустыре. Солнце поднялось высоко, но еще не распалось. Многоэтажки их молодого микрорайона белеют рядом. Над головой проплывает вертолет – девочка провожает стрекочущую машину взглядом. Она проснулась рано сегодня и сразу побежала гулять. Сегодня выходной, мама будет отсыпаться, а ей, Светке, отсыпаться нечего: каникулы. Они бегали вчера с ребятами до темноты по степи, жарили хлеб на костре. Было весело. И сейчас она ждет, когда они проснутся и выйдут – ее друзья. Но пока никто не выходит – рано. Она замечает далеко в степи две фигурки – взрослый и ребенок. Папа и сын. Они бредут куда-то – сын держит отца за руку. Она томится от скуки и вспоминает, как встретила недавно у недостроенного дома странного мальчишку. Мальчик стоял и трепетал, как от холода. Смотрел на нее и будто ждал помощи. Потом спросил, как ее зовут. Станный. Она ушла, а он так и остался стоять там один в темноте. Солнце начинает припекать. Она закрывает глаза и видит дорогу. И горы. Но горы не тувинские, а незнакомые, чужие. Ленточка тяжелых машин, крытых камуфляжным тентом, пробирается окраинами. В грузовиках – дети. Бегут, спасаются от кого-то. Какая-то неотвратимая беда преследует эти машины и людей в них. Вот-вот случится что-то! Нет. Она напрасно волнуется. Грузовики исчезают за горизонтом – один, другой, третий, целые и невредимые. Ничего страшного не происходит. Она открывает глаза. Тихо. Ясное небо. Тот же покой.